

Сталин поспешил с отъездом. 8 марта он вместе с группой ссыльных в экспрессе выехал из Сибири. По пути Сталин послал Ленину за границу приветственную телеграмму, в которой сообщал о своем выезде в Петроград. По дороге на каждой станции возвращавшихся из ссылки революционеров встречали толпы народа со знаменами.

12 марта (старого стиля) Сталин приехал в Петроград и тут же направился в Таврический дворец, где происходили тогда митинги солдат...

А. С. АЛЛИЛУЕВА **Из «Воспоминаний»**

<...> Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня.

Сталин рассказывал, как попал он в Ачинск. В октябре 1916 года ссыльных призывали в армию. Из Туруханского края ссыльных-призывников и с ними Иосифа Виссарионовича отправили в Красноярск. Добирались туда на собаках, на оленях, пешком. На пути останавливались, встречались с сосланными товарищами, а чтобы не вызывать подозрения, устраивали гулянки: мобилизованные, дескать, кутят — прощаются перед уходом в армию.

Но для армии Сталина забраковали.

— Сочли, что я буду там нежелательным элементом, — говорил он нам, — а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти.

— Не знаю, что меня спасло тогда: здоровый организм или мазь деревенской знахарки, — но я выздоровел, — вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался навсегда, к этому-то и придрались красноярские чиновники. Отбывать оставшийся срок ссылки они послали Сталина в Ачинск.

Мы просим Сталина рассказать о ссылке, о крае, где провел он столько лет. И он говорит: о севере, о тундре, о бесконечных снежных далях, о замерзших реках, где у проруби просиживают часами низкорослые добродушные люди. Он жил в их простой избе. Он заслужил их доверие, и они полюбили его.

— ...Они звали меня Осипом и научили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда, замечаю — хозяева мои шепчутся. И однажды говорят: «Осип, ты слово знаешь!» Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили, — все равно, шла рыба или нет. А я выйду на ловлю, ищу места: рыба идет — сижу, нет ее — ищу другое место. Так — пока не добьюсь улова. Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне.

Он вспоминал северные реки: Енисей, Курейку, Тунгуску, волны которых текут, сливаясь с небом, спокойным и задумчивым, молчаливым небом севера. Но яростны и неукротимы волны северных рек, когда они поднимаются на человека.

— Случалось, что буря заставляла меня на реке. Один раз показалось, что все уже кончено. Но добрался до берега! Не верилось, что выберусь, — очень уж разыгралась тогда река.

Потом Иосиф Виссарионович начинает расспрашивать нас о пережитом. Ему интересны все наши рассказы.

Самовар давно потух, а мы все сидим и слушаем гостя. <...>

В. П. АСТАФЬЕВ

О товарище Сталине

<Из повести «Зрячий посох»>

...Однажды, посмеиваясь, как всегда, необидно и дружески, Александр Николаевич (Макаров. — *И. К.*) сказал мне, что моя теория, высказанная в новой повести, или вера в то, что злодеи и злодейство всегда бывают наказуемы, и если не живых, то мертвых злодеев находило подобающее воздаяние, — очень чудная...

— Ах, Вик Петрович, Вик Петрович! — опечалился он, — если б это было так.

— А что, разве не так? А Сталин? Уж богом был, а его Никитка-дурачок за ноги и на помойку. Но это частность. Никакой он